

Храм Христа Спасителя (Спас-на-водах) - памятник погибшим в русско-японскую войну

Сразу после окончания русско-японской войны встал вопрос о необходимости создания мемориала, куда могли бы прийти родственники погибших, чтобы поклониться подвигу героев и вспомнить их в своей молитве. 22 ноября 1908 г. был создан Комитет по сбору пожертвований на храм-памятник морякам, погибшим в войну с Японией. Почетным председателем комитета стала королева эллинов Ольга Константиновна, председателем - П.Н.Огарев. 21 августа 1909 г. была избрана строительная комиссия. Закладка храма состоялась в Петербурге на Английской набережной 15 мая 1910 г., в день пятилетия Цусимского сражения. Вместе с закладной доской был положен солдатский Георгиевский крест.

К осени здание было вчерне окончено, и 14 сентября на куполе водрузили крест. 31 июля 1911 г. состоялось торжественное освящение храма в присутствии императора и других высочайших особ. Еще накануне в Неву вошли и встали на рейд боевые корабли, среди которых был крейсер "Адмирал Макаров", названный в честь погибшего в этой войне знаменитого военачальника и ученого. Завершилось торжество военным парадом перед храмом.

Здание церкви было выстроено в стиле ростово-суздальского зодчества по проекту архитектора М.М.Перетятковича, исполнившего также рисунки утвари в стиле храма. Каменные рельефы на фасаде выполнил скульптор Б.М.Микешин. Двухэтажным храм был установлен на небольшом искусственном возвышении с покрытыми травой откосами, напомиавшими братскую могилу. Интерьеры нижнего храма святителя Николая были расписаны в русском стиле, а верхний отделан белым камнем. Эскизы мозаик и росписи исполнили известные художники В.М.Васнецов и Н.А.Бруни. Заалтарный витраж верхнего храма работы Бруни, изображавший Христа, шествующего по водам, дал храму народное название "Спас-на-водах". Алтарная завеса была сделана в виде военно-морского Андреевского флага.

На внутренних стенах верхнего храма были установлены бронзовые мемориальные доски с именами всех погибших моряков, от адмиралов до нижних чинов и священнослужителей. На каждой доске указывалось название судна, главные бои, в которых оно участвовало, и число погибших на нем. Слева располагались сведения о судах эскадры адмирала Рождественского, справа - Порт-Артурской эскадры. Над каждой доской был помещен образ того святого, икона которого имелаь на корабле в боях. В храме хранились подлинные судовые иконы, бывшие на судах во время боев и спасенные перед их гибелью: Христа Спасителя с "Севастополя", Христа Спасителя с "Ретвизана", святого Исаакия Далматского с "Баяна", Воскресения Христова с "Варяга".

Близ алтаря у юго-восточного столба 27 июля 1911 г. был поставлен перенесенный из Адмиралтейского собора знаменный флаг бывшего Квантунского флотского экипажа. Это знамя во время осады крепости находилось в Порт-Артуре и перед самой его сдачей было перевезено в Чифу, а оттуда в Петербург.

В церкви были собраны Георгиевские кресты и другие военные награды, личные вещи, фотографии погибших моряков, документы и другие свидетельства подвигов русских воинов в русско-японской войне. На основе этого уникального собрания при храме был открыт музей. Во время Первой мировой войны в церковь поступили новые реликвии: в 1914 г. икона Христа Спасителя с фрегата "Паллада" - реликвия, чудом уцелевшая и найденная в море на месте гибели корабля; в 1915 г. - икона святителя Николая Чудотворца с минного транспорта "Енисей", также единственная реликвия, найденная в море после взрыва судна.¹

Почти всю историю церкви ее настоятелем служил протоиерей Владимир Александрович Рыбаков. Он родился в 1869 г. в с.Каменка Николаевского уезда Самарской губернии в семье священника и после окончания в 1891 г. Самарской Духовной семинарии некоторое время работал конторщиком в управлении строительством Уральской железной дороги. В 1894 г. двадцатипятилетний юноша был рукоположен во священника и более десяти лет служил сельским приходским священником в Самарской епархии. Затем отец Владимир некоторое время был бесприходным священником в г.Николаевске Самарской

губернии и при этом преподавал Закон Божий в сельских и городских школах. В 1906 г. он поступил в Санкт-Петербургскую Духовную Академию, которую успешно окончил в 1911 г. со степенью кандидата богословия и был оставлен профессорским стипендиатом. Собирая материал о святом преподобном Иосифе Сикеоте, о.Владимир посетил Афон, Стамбул, Иерусалим и Рим.

16 сентября 1911 г. священника назначили настоятелем церкви Христа Спасителя на Английской набережной, где он и служил более 20 лет – до закрытия храма в 1932 г. Правда, в 1914 г. оставаясь настоятелем "Спаса-на-водах", о.Владимир был назначен старшим священником Генерального штаба и до 1917 г. служил при Ставке. Позднее, в первые годы советской власти, пока подобное можно было совмещать со службой в храме, В.А.Рыбаков также работал делопроизводителем в Управлении строительством железной дороги Петроградского военного района, представительств постройки железных дорог Овсилице-Суйда, "Алгемба", фабрики "Гопит" и представительств Туркстроя. Одновременно отец Владимир писал диссертацию на тему "Святой Иосиф Песнописец и его песнотворческая деятельность", за которую 24 мая 1927 г. ему была присуждена степень магистра богословия.²

В начале 1918 г. храм был национализирован, закрыт и опечатан. Однако службы в церкви - молебны, панихиды - и после этого полулегально исправлялись. Многие прихожане, вдовы, сироты стали просить новые власти Петрограда "разрешить распечатать храм для посещения его и возобновления в нем служб". 22 октября 1919 г. вышло постановление Народного комиссариата просвещения о том, что "памятник находится под охраной правительства", и отдел по охране памятников искусства и старины выдал церкви соответствующее свидетельство.³

В это время приходские общины были обязаны перейти на новый порядок регистрации и административного подчинения. При них были созданы органы "самоуправления", именуемые "двадцатками", выбираемые прихожанами из своей среды и облакаемые властями ответственностью за деятельность "заведения культа". В "двадцатку" "Спаса-на-водах" входили профессора университета, дворянки, домохозяйки, рабочие, служащие, крестьяне.

20 декабря 1919 г. был составлен первый договор между советом Центрального района Петрограда и "двадцаткой" о том, что "городская комиссия по делам культов передает в пользование верующим гражданам двухэтажное здание культа с инвентарем в нем по описи, а прихожане обязуются: платить налоги, вносить в опись новые поступления и пожертвования, за свой счет содержать здание и имущество в сохранности и надлежащем порядке, что будет периодически проверяться уполномоченным инспектором райсовета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов; за невыполнение договора - уголовная ответственность лиц двадцатки и расторжение договора". Кроме того, под угрозой изъятия храма из пользования, прихожанам запрещалось преподавать вероучение, проводить антисоветскую агитацию и деятельность. С этого времени церковь вновь стала действовать. Согласно справке коллектива верующих от 31 августа 1921 г. жизнью общины руководил приходской совет из пяти человек во главе с протоиереем Владимиром Рыбаковым.⁴

Во время массового изъятия церковных ценностей – весной-летом 1922 г. храму посчастливилось избежать общей участи. Позднее – 20 февраля 1924 г. в объяснительной записке заведующему районным церковным столом о.Владимир так описывал причины этого исключительного случая: "В период изъятия церковных ценностей в помощь голодающим ко мне обратился председатель комиссии по изъятию из морских церквей т.Зимин (он тогда был, кажется, помощником командира Петроградского военного порта) с предложением представить ему опись храма и его принадлежностей для предварительного ознакомления. Через несколько времени (дней кажется через 8-10), пригласивший представителя от охраны памятников (так как самый храм находился в ведении этого учреждения), т.Зимин вместе с двумя представителями Помгола... прибыл в храм для проверки всего наличия церковного имущества. Не знаю намерений комиссии, но тогда она самого изъятия церковных ценностей из храма-памятника морякам не сделала. Тов.Зимин сказал, уходя, что мы придем потом, если найдем нужным. Некоторые вещи были тогда отобраны представителем охраны памятников и наложены этикетки, из которых некоторые сохранились и теперь, через несколько дней я лично пошел к т.Зимину и обратился с вопросом, когда же Вы придете взять отобранные вещи. Тов.Зимин ответил: "Придем, когда

найдем нужным". И не пришли. Какими соображениями они руководствовались, я не знаю. Может быть потому, что слишком ничтожно было то количество, какое можно было взять, не нарушая всего храмового ансамбля. Да и те, которые могли бы изъять, представляют или историческую или художественную ценность. Как бы то ни было, но результат тот, что ценности тогда изъяты не были. Все вещи, значащиеся по описи, налицо и в сохранности, как Вы могли убедиться сами".⁵

Настоятель был вынужден оправдываться, так как его обвинили в сокрытии ценностей. 20 февраля 1924 г. храм закрыли под предлогом того, что двадцатка своевременно не заключила договор о передаче ей церкви и не сдала в 1922 г. ценности. Комиссия по делам культов собиралась использовать здание по своему усмотрению, однако этому помешало сопротивление Наркомпроса, где нашлись сотрудники, не боявшиеся представлять свою точку зрения. 19 февраля 1924 г., "заслушав сообщение архитектора Н.В.Купцова о предполагаемом закрытии церкви и изъятии из нее ряда икон, вделанных в стены, Реставрационный совет, принимая во внимание, что упомянутая церковь запечатлела одну из тяжелых страниц русской истории, что по архитектуре своей она является типичным образчиком эпохи подражательного зодчества, и что она принадлежит творчеству выдающегося архитектора последнего времени Перетятковича... Реставрационный совет постановил провести повторный осмотр церкви... совместно с представителем Русского музея".⁶

Освидетельствование прошло 20 февраля в присутствии уполномоченного хозяйственного отдела НКВД, и в результате заведующим реставрационной мастерской Русского музея А.Кудрявцевым и архитектором Комитета по охране памятников В.Даниловым был составлен следующий интересный акт: "По осмотру оказалось, что среди памятников станковой живописи имеются ценные памятники XVII века, из которых один датирован 1650 г., царские врата в нижнем храме, принадлежащие эпохе Грозного. Кроме того, в верхнем храме в архитектурную обработку стен вошли впаянные в толщу стен иконы с погибших в японскую войну судов, являющиеся единственными историческими памятниками данного времени. Помимо означенных памятников алтарная абсида украшена мозаикой, исполненной по картонам Бруни, представляющей большое художественное значение. Мозаикой же украшены пилоны храма, арки и паруса под барабаном (работа исполнена в Берлине). Нижняя церковь расписана по холсту художником Адамовичем... С архитектурной точки зрения храм представляет безусловный художественный интерес, построен архитектором Перетятковичем в стиле Владимиро-Суздальских церквей XII века. Ввиду исторического значения памятника и наличия художественного ансамбля и, принимая во внимание, что 22 октября 1919 г. уже состоялось постановление о том, что памятник это находится под особой охраной правительства... признали, что этот памятник подлежит охране и в дальнейшем".⁷

При осмотре храмового имущества по описи было подтверждено наличие 664 предметов. На основании того, что ранее в этом храме изъятие для Помгола (Комиссия помощи голодающим при ВЦИК) не производилось, 28 февраля были вывезены в Музейный фонд: выносные иконы Шуйской Божией Матери и Владимирской Божией Матери; серебряные и золоченые ризы; Евангелие, обложенное серебром, жемчугом и уральскими камнями, печатное Евангелие 1702 г.; резной деревянный с серебром прибор для причастия XVI в. и т.д. – всего 22 предмета. Кроме того, для губфинотдела изъяли 33 серебряных вещи, "не представляющие художественно-исторической ценности": потиры, диски, тарелочки, кресты, ризы, лампы. Их просто переплавили на металл. Большая часть предметов церковного инвентаря была признана подлежащей оставлению "как соответствующий художественный ансамбль", оставили в храме в тот момент и 14 серебряных вещей, также входящих в художественный ансамбль, но предназначенных к временной передаче на хранение в Музейный фонд".⁸

Не смирившись с закрытием церкви, прихожане 25 февраля обратились в Президиум Центрального городского райсовета с ходатайством об открытии опечатанного храма и оставлении в нем ценностей и исторических реликвий. Райисполком 27 февраля запросил мнение административного отдела Ленгубисполкома и 3 марта получил ответ, что "препятствий к предоставлению группе верующих данного храма и перезаключению ими договора не встречается". На другой запрос райисполкома – изъято ли 14 имеющих музейное значение предметов, оставленных в церкви, 17 марта последовало указание:

"...находящиеся в церкви "Спаса на водах" предметы, отмеченные архитектором Даниловым в количестве 14, как представляющие художественную ценность, подлежат изъятию и передаче в Госмузфонд. Обложению же выкупом таковые предметы вследствие минования надобности не подлежат".⁹

После проведения второй конфискации и составления новой описи имущества храм был вновь открыт 31 марта 1924 г., а его приходская община официально зарегистрирована. Помимо настоятеля – прот. Владимира Рыбакова в церкви в 1920-е гг. служил диакон Виктор Викторович Финне. Он родился в 1874 г., имел высшее образование – окончил в 1898 г. юридический факультет Петербургского университета, затем служил в 1898-99 гг. прапорщиком в лейб-гвардии Павловском полку. С 1899 и до революции 1917 г. В.Финне был чиновником и председателем уездного воинского присутствия, в годы гражданской войны по мобилизации служил командиром роты в Красной армии. В 1921 г. Виктор Викторович был уволен из армии в бессрочный отпуск и вернулся в Петроград, где поступил учиться в Богословский институт, а в 1922 г. принял сан диакона. Он служил в "Спаса-на-водах" около пяти лет вплоть до ареста 7 апреля 1928 г. по делу "Братства преподобного Серафима Саровского". 22 июля 1929 г. о.Виктор Финне был приговорен к 3 годам ссылки, отправлен отбывать срок в Казахстан и больше в Ленинград не вернулся.¹⁰ Отец Владимир Рыбаков в 1928 г. так же подвергался аресту, но через 2 месяца был освобожден и вернулся к исполнению своих обязанностей.

После открытия, как и раньше, храм принадлежал к Патриаршей Церкви. В период обновленческой смуты 1922-1923 гг. его община сумела выстоять, и "Спас-на-водах" один из немногих храмов города так и не перешел в подчинение Петроградского Епархиального управления обновленцев. Заслуга в этом, прежде всего, принадлежала членам приходского совета, среди которых было несколько известных ученых. Особо следует выделить двух преподавателей университета – доцента А.П.Алявдина и профессора М.Н.Соколова.

В приходской совет храма в 1920-е гг. также входили педагог-литератор, научный сотрудник Академии Наук, главный редактор Коллегии академического издательства В.А.Бонди, наблюдатель Главной физической обсерватории М.П.Умаров, профессор Ленинградского университета Н.А.Булгаков, профессор математики в различных вузах города С.С.Абрамович-Барановский, сотрудница Библиотеки Академии Наук Е.Н.Карцова и другие представители интеллигенции. Интересно отметить, что в 1928 г. из 26 членов "двадцатки" по происхождению 16 были дворянами, 2 – потомственными почетными гражданами, 6 – крестьянами и 2 – мещанами.

Уже весной 1924 г. ГПУ было установлено наблюдение за вновь зарегистрированной общиной, вся дальнейшая деятельность которой проходила в борьбе за существование храма. Чтобы заставить "двадцатку" отказаться от своих прав, инспектор по делам культов Октябрьского района и куратор из ГПУ использовали самые разные механизмы. В 1927 г. эксперты Главнауки объявили верующим о необходимости исправить купольный свод. Он действительно был не в порядке, но, учитывая, что в это время сносили церкви, не нуждающиеся в ремонте, такое указание становилось опасным поводом для прекращения богослужений по техническим причинам. 6 октября 1927 г. уполномоченный двадцатки литератор В.Бонди писал в административный отдел губисполкома: "Храм-памятник морякам нуждается в немедленном капитальном дорогостоящем ремонте купола... Между тем, этот храм-памятник, кроме художественного значения имеет и большое общественно-политическое, как единственная память и о громадном русском флоте, почти сполна погибшем в результате близорукой политики императорского правительства, и о тысячах моряков, имена которых вычеканены на бронзовых досках, почти сплошь покрывающих среднюю часть всех стен. Заслуживает отметки, что эти доски единственные, вторых досок не отливалось, и что на этих досках помещены имена всех погибших, не делая различия между адмиралом и матросом "последней статьи", и даже без различий вероисповедания. Таким образом, в православном храме впервые с почетом хранятся даже имена мусульман. Главнаука не имеет средств поддержать этот памятник, не имеет их и двадцатка. С великим трудом справляясь с текущими расходами, двадцатка совершенно лишена возможности восстановить купол, разрушение которого равносильно и разрушению всего памятника. Двадцатка вынуждена поэтому ходатайствовать... о разрешении ей сбора добровольных пожертвований в других храмах Ленинграда и среди верующих на капитальный ремонт храма-памятника".¹¹

Просьбу приходского совета поддержала Ленинградская государственная реставрационная мастерская в своем письме от 5 октября 1927 г.: "Ввиду того, что перекрытие над храмом-памятником морякам, погибшим при Цусиме, находится в состоянии близком к разрушению, вследствие неправильного его сконструирования и выполнения строителями храма, почему в настоящее время приходится делать не ремонт перекрытия, а совершенно новое перекрытие купола, каковая работа обойдется не менее 5-6 тыс. рублей, - Лен.гос.реставрационная мастерская Главнауки просит адм.отдел оказать содействие двадцатке означенного храма в изыскании ею средств для производства означенной работы, так как Цусимский храм находится под госохраной, как памятник искусства".¹² В течение года пожертвованиями верующих средства на реконструкцию купола были собраны, осенью 1928 г. проведен его ремонт, и угроза закрытия вновь временно отодвинулась.

В середине 1920-х гг. в церкви Христа Спасителя нередко совершались архиерейские богослужения – 31 января, 27 мая, 13 августа 1926 г., 21, 27 мая 1927 г. и т.д. При этом чаще всего служил епископ Гдовский Димитрий (Любимов). К 1931 г. ряд прежних членов "двадцатки" был репрессирован, и их сменили новые люди. Так, в мае 1930 г. председатель приходского совета О.С.Гордеева сообщила районному инспектору по делам культов, что А.П.Алявдин, Е.Н.Карцова и С.С.Абрамович-Барановский выбыли из состава "двадцатки" и не могут подать заявление о выходе, так как находятся вне Ленинграда. Все трое были арестованы еще в 1929 г., осуждены и отправлены в лагерь или ссылку. Впрочем, до середины 1929 г. открыто общину не преследовали. 8 февраля 1928 г. прихожане вновь беспрепятственно заключили договор о приеме в свое пользование храма и церковного имущества.

Священнослужители церкви разделяли позицию приходского совета. После ареста диакона Виктора Финне в помощь настоятелю отцу Владимиру 4 ноября 1928 г. "двадцатка" временно пригласила диакона Сергия Александровича Александрова. Позднее, после рукоположения во священника он служил настоятелем Троицкой церкви в Старом Петергофе, был арестован 13 января 1933 г. и 5 апреля 1933 г. приговорен к 10 годам лагерей. С 5 апреля по 12 июня 1929 г. ввиду отсутствия прот. Владимира Рыбакова обязанности настоятеля "Спаса-на-водах" временно исполнял протоиерей Николай Петрович Тихомиров. Он родился в 1873 г. в с.Рель Гдовского уезда Петербургской губернии в семье священника, в 1894 г. окончил Петербургскую Духовную семинарию и после рукоположения во иерея служил в приходах Лужского уезда. В 1918 г. отец Николай был назначен в Смоленскую кладбищенскую церковь Петрограда, после службы в "Спаса-на-водах" он с 1930 г. являлся настоятелем Успенской церкви подворья Киево-Печерской Лавры на Васильевском острове. 22 декабря 1933 г. Н.Тихомиров был арестован по делу "евлогиевцев" и 25 февраля 1934 г. приговорен к 3 годам лагерей. После освобождения о.Николай с 1936 г. служил настоятелем Тихвинской церкви с.Неболчи Новгородского округа, в ноябре 1937 г. был арестован и расстрелян.¹³

С лета 1929 г. представители советской власти возобновили свое давление. Начались допросы с запугиванием, вследствие чего некоторые члены "двадцатки" подали заявление о своем выходе из общины. Но на их место заступили новые. В те годы перед каждым большим церковным праздником "двадцатка" испрашивала письменно, с оплатой пошлинного сбора, разрешение у инспектора по делам культов на проведение колокольного звона и крестного хода вокруг храма.

3 июня специальная комиссия административного отдела Леноблисполкома тщательно проверила все стороны деятельности церковной общины, стараясь выявить какие-либо нарушения законов. В составленном по итогам проверки акте отмечалось, что "двадцатка в большинстве состоит из интеллигенции тихоновского толка", но "раскола... не установлено". Путем опроса членов приходского совета и просмотра протоколов его заседаний комиссия пыталась установить факт отделения общины от фактического главы Московской Патриархии Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия, но уличить прихожан в этом не смогла. Согласно акту "при осмотре здания церкви... был обнаружен неизвестный "музей", со слов двадцатки таковой находится под ведением Морского музея". В вынесенном комиссией заключении говорилось: "Для обследования "музея" вызвать специалиста для разрешения вопроса о находящихся там вещах, впредь же до осмотра сообщить инспектору культа для опечатывания помещения". Кроме того,

комиссия постановила изъять серебряные предметы, состоящие на учете Комитета охраны государственного музейного фонда общим весом 11 килограммов 280 граммов.¹⁴

11 июня 1929 г. в церковный стол райсовета было направлено письмо начальника Центрального военно-морского музея П.Сивкова с просьбой "выдать из церкви Спаса на Водах имеющиеся там музейные предметы, относящиеся к русско-японской войне". Члены приходского совета вынуждены были осуществить полную передачу, к тому же они считали, что в смутном будущем исторические вещи сохранятся в музее с большей вероятностью. Об уникальном военно-морском собрании Спаса-на-водах можно судить хотя бы по одному из сохранившихся в фондах современного Центрального военно-морского музея альбому "Проводы эскадры Верениуса". Старая этикетка экспоната гласит: "Музей при Храме-памятнике морякам, погибшим в войне с Японией, №1201, поступ. 29 сентября 1912 г., снимки Ея Величества Королевы Эллинов".¹⁵

С начала 1930 г. жесткая политика административного отдела привела к тому, что ряд членов "двадцатки" вынужден был выйти из нее. Но бессменный ее председатель дворянка О.С.Горданова (в прошлом медсестра, участница Первой мировой войны), прот. Владимир Рыбаков и еще несколько человек оставались стойкими защитниками Цусимского храма. На смену выбывшим членам приходского совета пришли новые, запугать которых не удалось. В мае 1930 г. прихожане подали заявление о перерегистрации их религиозного общества, но решение вопроса затянулось. Проведенная 13 июня 1930 г. проверка имущества существенных недостатков не выявила, в этот день была составлена новая инвентарная опись, куда внесли поступившие в храм в последнее время предметы. Еще 13 мая представители райисполкома провели технический осмотр здания и потребовали проведения ремонтных работ. Почти все они были выполнены в течение лета-осени, и 15 декабря 1930 г. приходскому совету, наконец, выдали удостоверение о регистрации общества верующих при церкви.

Однако храм был обречен, в это время в Ленинграде в первую очередь сносили церкви, построенные в так называемом псевдорусском стиле, и даже искусствоведы старой школы спешили признать их нелепыми для исторического Петербурга. План превращения Ленинграда в образцовый социалистический город и борьба с религией на разных уровнях не оставляли шансов на спасение народной святыни. 6 сентября 1931 г. районный инспектор по делам культов доложил в Президиум Октябрьского райсовета, что по находящемуся на территории церкви мосту граждане могут проникать на завод "Судомех", "по моим наблюдениям в церкви молящихся бывает очень мало даже в воскресные дни, не говоря уже о буднях, когда бывает 10-15 человек... Так как церковь стоит на территории завода и мешает ему, то договор с 20-кой предлагается расторгнуть, церковь закрыть и использовать здание ее под культурные нужды завода". Спасению храма не помогло даже то, что 1 октября 1931 г. был заключен новый договор о передаче его в пользование верующих, а 2 ноября приходской совет известил районные власти о проведенных в течение лета и осени дорогостоящих ремонтных работ и выполнении требований, указанных в акте технического осмотра церковного здания от 5 июля 1931 г.¹⁶

2 декабря 1931 г. состоялось заседание Президиума Ленинградского совета, подтвердившее заключение областной комиссии по вопросам культов от 29 октября относительно "церкви памяти моряков", находящейся на наб.Красного флота: "Исходя из того, что церковь находится рядом с заводом "Судомех", который крайне нуждается в занимаемой ею территории для расширения завода и построения новых цехов, кроме того церковь расположена на путях вновь прокладываемой ж/д магистрали к порту, в силу чего постановление Октябрьского райсовета о ликвидации церкви утвердить. Здание передать заводу на слом с использованием материалов на строительные нужды".

8 декабря 1931 г. районный инспектор доложил председателю комиссии по вопросам культов при Леноблисполкоме Неглюевичу: "Постановление Президиума облисполкома... о ликвидации церкви "Памяти морякам" (наб. Кр.Флота, 76) объявлено председателю 20-ки под расписку и объявлен срок обжалования". 17 декабря 1931 г. О.С.Горданова написала ходатайство от имени верующих во ВЦИК об отмене постановления о сломе храма-памятника. В защиту церкви были собраны тысячи подписей горожан. 20 декабря "двадцатка" известила райсовет о подаче заявления во ВЦИК. Таким образом, закрытие "Спаса-на-водах" было отсрочено, и еще два с половиной месяца в нем продолжались богослужения.¹⁷

7 марта 1932 г. со ссылкой на распоряжение Президиума ВЦИК верующим объявили, что их жалоба оставлена без последствий: "Ликвидацию-приемку и распределение имущества произвести в два дня, с таким расчетом, чтобы к 10 марта помещение было очищено". Однако реальное закрытие храма произошло еще раньше – 8 марта. Через несколько месяцев, в том же 1932 г. церковь взорвали. Городская легенда гласит, что доски с именами погибших моряков были брошены на дно Невы. На части фундамента храма сейчас стоит промышленный корпус Адмиралтейского завода.¹⁸ Казалось бы, ничто больше не напоминает о святине, которая когда-то была здесь. Однако как только появилась возможность, в 1991 г. был создан фонд восстановления храма-памятника. К 1995 г. архитектор В.Бутырин подготовил проект восстановления церкви и постройки на участке часовни. В 2002 г. часовня была построена и освящена.

¹ Смирнов С.Н. Храм-памятник морякам, погибшим в войну с Японией. Пг., 1915.

² Нечаева Т.А. Протоиерей Владимир Александрович Рыбаков // Звезда. 1990. № 3. С. 97-102; Санкт-Петербургские Епархиальные Ведомости. 1999. № 21-22. С. 89; Санкт-Петербургский мартиролог. СПб., 2002. С. 210.

³ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), ф. 7384, оп. 33, д. 260, л. 5.

⁴ Там же, ф. 1001, оп. 7, д. 4, л. 169; Морской собор в Кронштадте. М., 1998. С. 86.

⁵ ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 33, д. 13, л. 5.

⁶ Там же, л. 6.

⁷ Там же, л. 7; Морской собор в Кронштадте. С. 86.

⁸ ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 33, д. 13, л. 3-4^{об}.

⁹ Там же, л. 8-9.

¹⁰ Санкт-Петербургский мартиролог. С. 245; Санкт-Петербургские Епархиальные Ведомости. 1996. №16. С. 94-96.

¹¹ Морской собор в Кронштадте. С. 86-87; ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 33, д. 13, л. 18-18^{об}.

¹² Там же, л. 17-17^{об}.

¹³ Морозова Н.П. Врата. СПб., 1995. С. 8, 38-42; Попов И.В. Святой край // Средняя Рогатка. 1998. № 1(5). С. 5; Санкт-Петербургский мартиролог. С. 235.

¹⁴ ЦГА СПб, ф. 4913, оп. 3, д. 3, л. 67.

¹⁵ Там же, л. 68; Морской собор в Кронштадте. С. 87.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же; Антонов В.В., Кобак А.В. Святые Санкт-Петербурга. Т. 2. СПб., 1996. С. 75.

¹⁸ Морской собор в Кронштадте. С. 87; Антонов В.В., Кобак А.В. Указ. соч. С. 75.